

КОРПОРАТИВНЫЙ ЮРИСТ

Wolters Kluwer

МЦФЭР
ПРАВО

№ 4 • АПРЕЛЬ 2015

www.clj.ru

Как стать банкротом

12

Энциклопедия третейского
судопроизводства

18

Госконтракт.
Управление рисками

46

Интервью
Андрей Юков,
Коллегия адвокатов
«Юков и партнеры»

30

Андрей Юков:

«Зачистка банковского сектора от недобросовестных участников еще не завершена. В итоге **ВЫЖИВУТ СИЛЬНЕЙШИЕ**»

Исторически сложилось, что основной специализацией «Юков и партнеры» стало банкротство, и как следствие, коллегия адвокатов аккредитована при Агентстве по страхованию вкладов и сопровождает процедуру банкротства разорившихся банков. Один из основателей коллегии *Андрей Юков* утверждает, что на его бизнесе любая финансово-экономическая нестабильность в стране отражается исключительно положительно. Это и не удивительно: в кризис количество компаний-банкротов резко увеличивается.

Невольно помогает и Центробанк, продолжающий зачистку банковской сферы. Андрей Михайлович рассказал о тонкостях работы с лопнувшими банками, секретах защиты интересов вкладчиков, разнице между преднамеренным и рыночным банкротством и поделился своим взглядом на дела «Межпромбанка» и «Моего Банка».

– Андрей Михайлович, как Вы сделали выбор в пользу юридической профессии? Кто или что этому способствовало?

– Выбор был достаточно легким. Мой отец юрист, мама адвокат, на протяжении долгих лет она руководит нашей коллегией. Практически все друзья моих родителей тоже были юристами разных направлений: прокуроры, адвокаты, судьи, милиционеры, юристы тогда еще государственных предприятий. В такой атмосфере у меня не могло быть сомнений при выборе профессионального пути. Причем родительский круг общения сформировал четкое желание стать именно адвокатом.

В советские времена профессия адвоката была, наверное, единственной свободной. Он вел определенное количество дел, у него не было обязательной явки, кроме необременительных дежурств в юридической консультации, – по сути, то, что сейчас называется «свободный график». Но тогда подобную свободу действий могли себе позволить только творческие люди: художники, писатели, композиторы и... адвокаты. В итоге я поступил в Московскую юридическую академию, после чего пошел работать в Генпрокуратуру, в управление по обеспечению участия прокуроров в арбитражном процессе. Это был замечательный опыт, но через год я понял, что все-таки тяготею к адвокатуре. В 1996 году меня приняли адвокатом в «Инюрколлегию».

– Как Вы позиционируете коллегию «Юков и партнеры»: как новую фирму, появившуюся в 2012 году, или как старожилу рынка?

– На мой взгляд, нас правильнее воспринимать как старожилов рынка. Так или иначе, я на этом рынке с начала девяностых. После Генеральной прокуратуры я пришел в юридическую фирму заслуженного юриста Сергея Васильевича Запольского. Именно там работали мои теперь уже бывшие партнеры и юристы, которые давно уже трудятся в других фирмах или крупных компаниях. Именно там началось наше профессиональное становление.

Спустя довольно непродолжительное время часть коллектива перешла в Юридическую консультацию № 94, которую возглавляла моя мама.

В 2003 году был принят Закон об адвокатуре, и мы не нашли ничего лучше, как ликвидировать консультацию № 94 и создать новое юридическое

лицо – коллегию адвокатов. Два года назад мы открыли новое юридическое лицо с новым названием – «Юков и партнеры». Юридические лица организовывались для решения внутренних задач либо под те законы, которые принимались в стране. Безусловно, все эти изменения организационно-правовых форм никоим образом не связаны с тем, что мы молодая юридическая фирма. Мы самостоятельно существуем с 1996 года, костяк команды, который формировался на протяжении всего этого времени, продолжает работать в компании и сегодня.

– Возвращаясь к свободному графику: Вам удается совмещать управленческую деятельность с юридической практикой?

– Процентом двадцать времени я трачу на организационные моменты, а в основном, конечно, занимаюсь проектами.

Другое дело, что в силу исторических причин у этого процесса есть своя специфика: я разрабатываю стратегию и план действий по проекту и контролирую его, а работающие в команде адвокаты ходят в суд.

Ни для кого не секрет, что мой отец был первым заместителем председателя Высшего Арбитражного Суда, а потому я никогда не имел возможности быть представителем в арбитражном процессе.

В 1997 году мне удалось поучаствовать в одном процессе в Ханты-Мансийске, где я представлял Госкомимущество России и даже не думал, что это будет истолковано отрицательно или в чью-либо пользу. Тем не менее вторая сторона все-таки попыталась заявить о наличии родственных связей. Во время слушания председатель суда развел руками и сказал примерно следующее: «Ну, может, что-то где-то кого-то с кем-то здесь и связывает, но это совершенно не повод. У господина есть доверенность от Госкомимущества России, подписанная Кохом, поэтому у нас к нему никаких вопросов нет». Так началась и закончилась моя карьера судебного юриста: я решил больше не искушать судьбу, чтобы это никак не отразилось ни на мне, ни на отце.

– Давайте немного поговорим о перспективах. Какие у Вас планы по развитию?

– Мы открыли офисы в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге и пока ничего нового не хотим.

Филиал надо создавать, когда количество дел в регионе возрастает настолько, что это становится экономически разумным. Проще иметь офис, чем тратить силы и время на перелеты. Пока мы не видим, что какой-то регион требует нашего постоянного присутствия.

Что касается развития компании, то, несмотря на кризис, у нас очень плодотворный период. Мы всегда на 80% занимались судебными делами. Сейчас число дел сильно увеличивается, буквально каждый день обращаются новые клиенты.

К концу года и в начале следующего я прогнозирую большой рост количества банкротств. На этом фоне мы планируем расширить штат юристов. Все, что сегодня представляет собой дела по взысканию, неоплате и непоставке, вскоре превратится в волну разорений. Пик далеко не сейчас, он всегда отложен. Например, высшая точка кризиса 1998 года пришлась на конец 1999-го и 2000-й. Ведь для того чтобы

прийти в банкротство, надо сначала взыскать долг, а уже после подавать соответствующее заявление. Взыскание долга в трех инстанциях в зависимости от обстоятельств занимает от четырех месяцев до года, а иногда и полутора лет.

Думаю, мы также будем активно заниматься банкротством физических лиц – очень перспективным и совершенно новым направлением. Конечно, мы не станем браться за массовые банкротства заемщиков, которые не в состоянии заплатить за кредитный холодильник. Уверен, здесь можно говорить о более крупных банкротствах. Наверняка будут обращаться как физические лица, которые имеют определенные активы и крупную задолженность, но хотят, чтобы процедуру сопровождали правильно и корректно и не ущемили их права, так и банки и иные кредиторы, стремящиеся, чтобы процедура банкротства такого лица была проведена с учетом их интересов.

За кадром

Где вы видите себя через 20 лет?

Через 20 лет я вижу себя здесь же. Надеюсь, я буду работать с этой же командой, но также надеюсь, что она вырастет и станет еще лучше.

Видимо, к дауншифтингу Вы не готовы?

Готов, но это из разряда голубой мечты и не более того. Скажу так: я могу понять тех людей, которые бросают все и уезжают в поисках лучшей, более спокойной жизни. Хорошо это или плохо – каждый должен решать для себя сам. У меня есть несколько очень затратных хобби, так что мой дауншифтинг будет очень дорогим. Поэтому я и вижу себя через 20 лет на том же месте.

Что это за хобби?

Я увлекаюсь охотой, которая требует специальной техники, оружия, дорогостоящих перелетов. Кстати, из-за санкций жутко подорожали патроны. Поэтому на мой дауншифтинг нужно еще работать и работать.

Как бы смешно это ни звучало, я часто езжу в Англию, потому что охота там обходится дешевле, чем в России. Но больше всего, конечно, мне запомнилась поездка в Африку.

– Что изменилось в правовом регулировании банковского банкротства с отменой специального закона?

– Целью упразднения специального закона была консолидация норм, а не фундаментальное изменение регулирования. Однако несколько важных новшеств после того, как нормы Закона о банкротстве кредитных организаций стали частью «общего» Закона о банкротстве, все же были добавлены.

Во-первых, усилена роль Агентства по страхованию вкладов и более детально регламентированы условия и порядок его участия в восстановлении платежеспособности кредитных организаций, являющихся участниками системы страхования вкладов.

Важны также новые нормы об особенностях оспаривания сделок и совершенных на их основании банковских операций по перечислению денег в предбанкротный период. Законодатель попытался систематизировать наработанные судебной практикой подходы к решению вопроса о квалификации

таких сделок в качестве обычной хозяйственной деятельности.

Нельзя не упомянуть и о новеллах, регулирующих уменьшение размеров выплат менеджменту банков, в отношении которых применяется финансовое оздоровление, а также об очередности удовлетворения «трудовых» требований в части сумм, превышающих установленный трудовым законодательством минимум. По сути, эти правила исходили из подходов, выработанных ВАС РФ.

– Основная задача процедуры банкротства – удовлетворить требования кредиторов в той мере, в какой это возможно с учетом имеющихся активов должника. Для кредитных организаций важно также защитить интересы вкладчиков. Достигается ли эта цель? Какие нормы права или подходы судов, по Вашему мнению, нуждаются в доработке?

– В принципе, вкладчики – это такие же кредиторы. И предложенный в законе механизм

Где Вы храните свои охотничьи трофеи?

Часть трофеев висит в кабинете, по этой причине я не всех туда пускаю. Другая часть дома и в охотничьем домике в Карелии.

На самом деле коллекционирование трофеев – это не самостоятельное хобби, а часть увлечения охотой.

Есть даже американская ассоциация охотников, которая проводит оценку трофеев. Существуют разные награды, достижения, даже перстни, как у хоккеистов. Например, можно получить награду за сбор африканской пятёрки – наиболее крупных и опасных африканских зверей: слона, носорога, буйвола, льва и леопарда. Это непросто, как минимум потому, что охотиться на дикого носорога разрешено только по лицензии. В Америке разыгрывается одна, максимум две такие лицензии в год. Стоимость ее достигает примерно 350 тысяч долларов.

предоставления им особой защиты в виде отнесения их кредиторских требований к первой очереди следует признать оптимальным. Другой вопрос, что процедура в целом нуждается в повышении эффективности.

Главную задачу любого банкротства, о которой Вы упомянули, крайне трудно выполнить.

Что касается банковского банкротства, стопроцентное обеспечение удовлетворения распространяется на требования вкладчиков в гарантированном государством размере (для страховых случаев, наступивших после 29 декабря 2014 года, – 1,4 миллиона рублей). Однако кредиторы третьей очереди, которую в основном составляют юридические лица и индивидуальные предприниматели, использовавшие расчетные счета в обанкротившемся банке, редко получают даже десятую часть своих денег. Статистика сурова: в 2014 году средний показатель удовлетворенных требований кредиторов банков, в которых завершено конкурсное производство, составил около 40%. При этом требования кредиторов первой очереди удовлетворены почти на 60%, а третьей – чуть более чем на 8%. Надо сказать, что у кредиторов второй очереди дела идут немногим лучше.

В 2014 году Правительство РФ обозначило имеющиеся изъяны регулирования и пути их решения, разработав план мероприятий, которые должны способствовать совершенствованию банкротных процедур.

Не вдаваясь в подробности правительственного документа, выделим три ключевые проблемы: затянутые сроки и издержки, слабая наполняемость и сохранение имущественной массы и, как следствие, слишком маленький размер погашаемых требований кредиторов.

Для разрешения этих препятствий руководство страны предлагает усовершенствовать процедуры финансового оздоровления и наблюдения, порядок продажи имущества, механизм привлечения к ответственности лиц, контролирующих должника, порядок предъявления требований, а также регулирование трансграничного банкротства (которое сейчас практически отсутствует).

Оспаривание сделок – один из наиболее эффективных способов наполнения конкурсной массы. Естественно, усложнение правил игры в этой сфере приведет к ослаблению потока поступающих средств. Но здесь важен баланс,

СВОБОДУ ДЕЙСТВИЙ МОГЛИ СЕБЕ ПОЗВОЛИТЬ ТОЛЬКО ТВОРЧЕСКИЕ ЛЮДИ: ХУДОЖНИКИ, ПИСАТЕЛИ, КОМПОЗИТОРЫ И... АДВОКАТЫ.

поскольку ранее существовавшую практику, когда оспаривалось практически все, нельзя признать справедливой, особенно применительно к добросовестным контрагентам. С другой стороны, для недобросовестных лиц нужно свести к минимуму возможности уйти от ответственности. Для этого необходима детальная проработка института привлечения к ответственности контролирующих банк лиц, который на сегодняшний день нужных результатов не дает.

– Сохраняется ли динамика отзыва лицензий у кредитных организаций? Оцениваете ли Вы этот процесс как позитивную очистку системы от недобросовестных игроков или, напротив, это признак наличия проблем в отрасли, отрицательно характеризующий банковскую систему?

– В 2014 году ежемесячно отзывалось от трех до девяти лицензий. С начала 2015 года в поле зрения Центробанка попали шесть банков. Однако, на мой взгляд, пока рано строить прогнозы о темпах отзыва лицензий. Скорее всего, регулятор «наверстает отставание» и динамика прошедшего года сохранится.

Свою роль играет не только текущая экономическая ситуация, но и то, что зачистка банковского сектора от недобросовестных участников еще не завершена. В итоге выживут сильнейшие.

Позитивный это процесс или негативный, сказать сложно – смотря с какой стороны посмотреть. Я считаю, что он скорее объективный. В целом наша банковская система «оставляет желать...», отсюда наличие и естественного экономического отбора, и искусственного – со стороны регулятора.

Почему это началось сейчас? Мне кажется, просто так совпало. Дело в том, что то количество банков, которое существует сегодня, никому не нужно.

Спусковым крючком стал приход в Центробанк новой команды примерно за год до кризиса. Первый всплеск был скорее административный. Насколько я понимаю, было собрано энное количество досье банков, которые стремились к отзыву лицензий, и в первые полгода регулятор достаточно быстро их отозвал.

Сейчас банки очень сильно зарегулированы. Фактически легально они могут зарабатывать только на расчетно-кассовом обслуживании и кредитных операциях. Но это доступно лишь для крупных банков с внушительным капиталом и крупной клиентской базой. Мелким банкам сложно этим жить, многие уходят в тень, проводят конвертацию, полулегально переводя деньги за границу и обратно, занимаются «обналичкой». Именно с ними борется Центробанк, и, по моему мнению, достаточно эффективно.

Все помнят громкие истории прошлого о лопнувших банках, когда компании теряли на их текущих счетах крупные суммы и в результате оказывались на краю банкротства. Такое и сегодня уже не редкость. Поэтому многие, желая обезопасить свой бизнес, уходят в крупные банки из первой десятки. Это эволюционный процесс. Просто он наложился на очередной финансовый кризис.

– Видите ли Вы предпосылки для массового оттока вкладов в результате психологической реакции населения на происходящие в стране изменения?

– Начавшийся в первой половине 2014 года финансовый кризис «догнал» банки к концу года. Это стало очевидно 15 декабря, когда «обвалился» рубль.

Экономическая ситуация в любом случае «бьет» по таким параметрам, как размещение банковских депозитов и возвратность кредитов. Похоже, что первая волна оттока вкладов на фоне экономической нестабильности уже схлынула, и население успокоилось. Надолго ли – покажет состояние экономики.

– Поделитесь своим мнением по проблеме ответственности владельцев и менеджмента банков.

– Наиболее привычной и часто используемой формой привлечения бывшего руководства к ответственности является предусмотренная Законом о банкротстве субсидиарная ответственность.

Между тем эффективность данного института очень низкая, поскольку зачастую истинные

бенефициары, контролирующие деятельность банка, остаются за кадром. Сюда же следует отнести и сложности доказывания причинно-следственной связи между действиями руководителей банка и наступлением банкротства. И даже несмотря на многочисленность судебных решений о привлечении к субсидиарной ответственности, фактически взыскать многомиллионные, а то и миллиардные долги с физических лиц практически невозможно. Таких дел рассматривается достаточно много – в 2014 году их было более 20. В результате удовлетворены заявления о привлечении к субсидиарной ответственности бывших руководителей «Промбанка», «Инвесткомбанка» и банка «Индустриальный». Но встречаются и отказы. Например, бывшим руководителям «Сибконтакта», «Электроники» и «Нашего банка» удалось избежать имущественной ответственности.

Кроме того, нормы о привлечении к субсидиарной ответственности сформулированы таким образом, что для предъявления иска нужно знать сумму неудовлетворенных требований кредиторов. Таким образом, подача иска сдвигается чуть ли не на окончание конкурсного производства.

Низкая эффективность данного института привела к необходимости поиска иных вариантов возложения имущественной ответственности на контролирующих лиц. Последние несколько лет Агентство по страхованию вкладов пробует взыскивать с бывшего руководства убытки по нормам корпоративного законодательства. В 2014 году был удовлетворен иск о взыскании убытков с руководителей «Галабанка» на 10 миллионов рублей. Но применение этого вида ответственности при банковском банкротстве имеет слишком много острых углов. Начиная со сложной доказательственной базы, неопределенности в исчислении сроков исковой давности и заканчивая неясностью в вопросе о том, можно ли вообще применять такую ответственность помимо субсидиарной.

Агентство активно пытается привлекать бывших руководителей, собственников и бенефициаров к уголовной ответственности. Но с точки зрения пополнения конкурсной массы, этот путь, скорее, тупиковый, возможное привлечение бывшего руководства к уголовной ответственности приносит разве что моральное удовлетворение кредиторам несостоятельного банка.

Я РЕШИЛ БОЛЬШЕ НЕ ИСКУШАТЬ СУДЬБУ, ЧТОБЫ ЭТО НИКАК НЕ ОТРАЗИЛОСЬ НИ НА МНЕ, НИ НА ОТЦЕ.

ХУЖЕ ВСЕГО В НАШЕЙ СТРАНЕ ФУНКЦИОНИРУЕТ СИСТЕМА ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ.

– Как Вы оцениваете дела «Межпромбанка» и «Моего Банка»?

– Надо сказать, что ситуация с владельцем «Моего Банка» отнюдь не уникальна. В прошлом году было возбуждено 48 уголовных дел, поводом для большинства из которых стали факты хищения денежных средств и имущества кредитных организаций. Итого: бывший председатель правления банка «Либра» признана виновной в мошенничестве и преднамеренном банкротстве, ей назначено наказание в виде пяти лет лишения свободы; председатель правления «Инвесткомбанка» получил два года колонии за растрату, а его коллега из «Трастового банка» за аналогичное преступление – пять лет условно.

Тем не менее историю, приключившуюся с экс-бенефициаром «Моего Банка» Глебом Фетисовым, с которым я хорошо знаком и который сейчас находится под следствием по делу о хищении имущества банка, можно назвать беспрецедентной.

Я не занимаюсь его делом, но расскажу свое видение. Вопрос даже не в том, что бенефициара лично привлекли к ответственности, сложность заключается в оценке его вины. Напомню, что Глеб Фетисов полностью рассчитался со всеми кредиторами, но при этом остался в местах лишения свободы. На мой взгляд, это неприемлемо и отрицательно скажется на ситуации с таким погашением задолженностей банков и небанков в будущем.

Если банкир может выплатить задолженности всем кредиторам, то, безусловно, в действиях государства и правоохранительных органов должна присутствовать разумность и человеку нужно позволить выйти из мест заключения.

Иначе это будет последний случай в истории России, когда лицо выплатило кредиторам задолженности своей организации перед ними.

Экс-владелец «Межпромбанка» Сергей Пугачев просто сбежал и теперь защищается теми способами, которые ему доступны. Его позиция ущербна. Вероятно, его не выдадут, но Агентство и юридические компании, которые на него работают, хорошо освоили технологию, как «догонять» деньги и акти-

вы таких господ за пределами России. Европейские и американские суды объективно подходят к этой проблеме: когда у человека в России обанкротился банк и показана вся цепочка, как деньги плавно перетекли в другую юрисдикцию, суды накладывают арест на активы. Пусть это длительный процесс, но я думаю, что он закончится положительно для Агентства и для России.

– Как отличить преднамеренное банкротство от рыночного?

– Как правило, проводимый Агентством по страхованию вкладов анализ операций, осуществляемых банком в течение года (а иногда и более) до отзыва лицензии, позволяет сделать однозначный вывод о том, что послужило причиной банкротства.

Например, финансово-экономический кризис 2008–2010 годов, повлекший коллапс на рынке недвижимости, спровоцировал «падение» ряда банков, связанных со сферой строительных инвестиций.

Случаи откровенного хищения имущества крайне редки. Но и они имеют место, как это было в деле пяти банков: «Традо-Банка», «Монетного дома», «Донбанка», «Уралфинпромбанка» и банка «Славянский», где судом установлена вина бывшего собственника Матвея Урина в хищении денежных средств банков путем совершения мошеннических операций с ценными бумагами. Сейчас ему предъявлены аналогичные обвинения по «Мультибанку».

Однако самым распространенным вариантом является настолько завуалированный вывод активов, что доказать преднамеренный характер банкротства крайне сложно – эдакие «многоходовки» с вовлечением неявно аффилированных структур. Здесь можно говорить как об уголовном составе преднамеренного банкротства, так и о выводе активов ввиду предвидимой руководством грядущей несостоятельности банка. Нередко «дыра» в активах образуется за несколько лет до отзыва лицензии, а затем в течение длительного времени ее наличие скрывается от Центробанка благодаря различным финансовым махинациям, не всегда отвечающим даже формальным требованиям закона.

Достаточно вспомнить дело по оспариванию сделок, заключенных во имя вывода практически всей принадлежащей «Уралинкомбанку» недвижимости в течение года до отзыва лицензии при по-

мощи некоего паевого инвестиционного фонда недвижимости (ЗПИФН). Суд первой инстанции часть сделок по отчуждению недвижимости на сумму порядка 160 миллионов рублей признал недействительными. Но в вышестоящих инстанциях признали незаконность лишь одной сделки, сославшись на недоказанность аффилированности банка с ЗПИФН и другими компаниями – участниками сделок отчуждения активов. При этом результат совершения сделок говорил сам за себя: почти вся имевшаяся у банка ликвидная недвижимость «скрылась в неизвестном направлении» без получения банком какого-либо ощутимого встречного удовлетворения.

– Расскажите, пожалуйста, об источниках пополнения конкурсной массы несостоятельного банка. Эффективен ли институт оспаривания предбанкротных сделок?

– Основу конкурсной массы формируют средства от реализации имущества с торгов, долги, взысканные по кредитам и, собственно, полученное в результате оспаривания сомнительных сделок, совершенных в преддверии отзыва лицензии.

С торгами все понятно, особых вопросов не возникает. По второму направлению успех зависит от качества кредитного портфеля. Нередко кредиты на огромные суммы выдаются «техническим конторам», получение судебного решения в отношении которых ничего не приносит. Если кредиты выданы тем, у кого «бизнес не удался», картина лишь немногим лучше, потому что взыскание проблемных долгов – долгое и не очень благодарное занятие. Хуже всего в нашей стране функционирует система исполнения судебных решений. В лучшем случае «отработанную» в судебном порядке задолженность удастся продать с торгов, изредка должники идут на заключение мировых соглашений и гасят часть долга.

Оспаривание сомнительных сделок – наиболее интересное направление. Однако и здесь не все так просто. По большому счету до недавнего времени единственным источником пополнения конкурсной массы было оспаривание совершенных незадолго до отзыва лицензии сделок гашения межбанковских кредитов.

В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОКОНЧАТЕЛЬНО ЗАКРЕПЛЕНА ПОЗИЦИЯ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОСТИ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА, А НЕ ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ ОБАНКРОТИВШИХСЯ БАНКОВ.

Приведу показательный пример: оспаривание двух сделок «Уралфинпромбанка», связанных с межбанковским кредитованием, принесло в конкурсную массу порядка 90 миллионов рублей. В то время как оспаривание еще около 20 сделок, касающихся гашения кредитов юридических лиц и зачетов взаимных требований, принесло не более 3 миллионов.

Примерно с 2013 года законодатель (а следом и суды) взял четкий курс на поддержание стабильности гражданского оборота и защиту контрагентов сделок, совершаемых накануне отзыва лицензии. Прецедентным здесь можно назвать постановление ВАС РФ, ставшее результатом рассмотрения жалобы «Русского Торгового Банка».

– Какова специфика таких сделок? Можно ли истребовать предмет, если выводились денежные средства?

– Выведенное имущество (как правило, это недвижимость) истребовать очень сложно. Потому что все умные и уводят его еще до отзыва лицензии на «тридцать третьего» добросовестного приобретателя. А денежное право требования к контрагентам сомнительных сделок зачастую оказывается «пустым».

– Согласны ли Вы с тем, что действующее законодательство о банкротстве носит прокредиторский характер?

– Этот вопрос возвращает нас к теме оспаривания сделок, совершенных в преддверии отзыва лицензии. Примерно с 2011 года в судебной практике на уровне ВАС РФ, а затем и в законодательстве прослеживается тенденция изменения прежде прокредиторской направленности на все большее усложнение процесса оспаривания сомнительных сделок. К 2015 году в законодательстве окончательно закреплена позиция предпочтительности защиты гражданского оборота, а не интересов кредиторов обанкротившихся банков.

*Беседовала
Ксения Богданова*